

Это личное письмо, вложенное в официальный доклад для императора, с величайшей поспешностью доставили в столицу, прямо в руки Хан Сиэню.

Пробежав глазами строки, Хан Сиэнь сложил бумагу. В уме он привычно прикинул расстояние от Сицзяна до столицы. На такой путь даже у самого резвого гонца ушло бы несколько дней. Значит, за то время, пока письмо было в дороге, Бай Шу уже должен был миновать критический рубеж.

Хан Сиэнь ледяным взглядом смерил гонца:

— Скажи, перед твоим отъездом Его Высочество наследник передавал что-то ещё?

Гонец поспешно склонил голову:

— Докладываю маркизу: Его Высочество обещал, что военные лекари сделают всё возможное, чтобы спасти молодого господина Бая. Каков бы ни был исход, наследный принц непременно пришлет вам точные известия.

Изначально Цзи Ло хотел передать другие слова: он обещал вернуть Бай Шу в столицу. Выживет тот — привезет живым, испустит дух — доставит тело.

Однако в последний момент принц посчитал такое напутствие дурным знамением и промолчал, ограничившись лишь сухим заверением. Он не сомневался, что Хан Сиэнь и без лишних слов понимает, что стоит за его недомолвками.

Хан Сиэнь едва заметно нахмурился.

"Выходит, когда этот человек отправлялся в путь, стрелу из груди Бай Шу ещё даже не вынули?"

Какое-то мгновение этот вопрос терзал его душу, но Хан Сиэнь сдержался и не стал озвучивать свои опасения.

— Возвращайся в Сицзян, — ровным голосом произнес он. — И передай Его Высочеству: я его услышал.

Гвардеец помедлил, ожидая более подробных распоряжений или хотя бы расспросов, но маркиз оставался совершенно невозмутимым. Поняв, что аудиенция окончена, воин откланялся. На душе у него было беспокойно, но, не смея испытывать терпение вельможи, он молча покинул покой.

Оставшись один, Хан Сиэнь долго сидел в уединении своего двора. Служанка бесшумно подала его любимый чай и так же тихо удалилась, не смея тревожить господина.

Он не двигался с места. Минул час, другой, сумерки сгустились и окончательно поглотили сад. Лишь тогда Хан Сиэнь поднял чашку с давно остывшим чаем и осушил её одним глотком. Поднявшись, он вернулся в свои покои, достал из-под кровати тяжелый лакированный ларец и, откинув крышку, опустил туда послание Цзи Ло.

В полумраке тускло белели ровные стопки писем. Все они лежали нераспечатанными — те самые весточки, которые Бай Шу отправлял ему из Сицзяна после того, как император сослал его вместе с братом, генералом Бай Вэньханем.

Все эти годы Хан Сиэнь бережно хранил их, но так и не решился сломать ни одной печати.

Походный лагерь армии Великой Чжоу на землях Сижунана

В это же самое время в одном из временных шатров, разбитых посреди вражеских кочевий, у походной койки замерли наследный принц Цзи Ло и генерал Бай Вэньхань. Военный лекарь только что закончил перевязку. Лежащий перед ними Бай Шу казался бледнее савана, его дыхание было едва различимо.

Смертоносную стрелу из его груди благополучно извлекли, однако сознание так и не вернулось к раненому. Лишь изредка его искусанные губы слабо шевелились, роняя бессвязный, глухой шепот, разобрать который не мог никто.

В роковую минуту, когда наконечник вошел в плоть, битва с остатками вражеского войска была в самом разгаре, и унести раненого с поля боя сразу не удалось. Спасло лишь то, что Бай Шу, владевший боевыми искусствами, успел запечатать собственные акупунктурные точки и остановить хлещущую кровь.

Но когда сеча унахла и подоспели основные силы Сицзяна, приглашенный лекарь, едва коснувшись пульса юноши, лишь обреченно покачал головой.

Стальной наконечник замер в считанных фэнях от сердца, да и время было упущено. Лекарь честно признался, что его умений недостаточно: малейшее неловкое движение при извлечении стрелы могло разорвать сердечные сосуды и мгновенно оборвать жизнь юноши.

Тогда за дело взялись Бай Вэньхань и Цзи Ло. Они приказали лекарю рискнуть, невзирая на последствия. Тот, рассудив, что спасение человеческой жизни — благодеяние превыше возведения семирубешной пагоды, засучил рукава и решился на операцию.

Вытащив стрелу, он предупредил: если раненый переживет ближайшую ночь и его не погубит горячка, надежда еще останется.

Ночью жар все же пришел. Тело Бай Шу буквально полыхало, и лекарь не отходил от постели сутки напролет. Чудом ему удалось сбить пламя лихорадки и вернуть больного к жизни.

И все же, вопреки стараниям, юноша так и не пришел в себя. Ослабленный организм погрузился в глубокое забытие. Теперь оставалось лишь уповать на судьбу и ждать.

Выйдя из шатра, Цзи Ло бросил взгляд на осунувшегося, заросшего жесткой щетиной генерала.

— Он очнется, — негромко произнес наследник. — Не изводи себя.

Бай Вэньхань лишь молча покачал головой. Горло его сдавило спазмом, и он не смог вымолвить ни слова.

Когда кочевники внезапно перешли границу и ударили по рубежам Великой Чжоу, генерал получил приказ выставить заслон. Столкнувшись с авангардом врага, он сразу понял: натиск сижунцев слаб, а их боевой дух подорван. Это вторжение, задуманное как дерзкий набег, давало Чжоу редкую возможность разбить врага раз и навсегда.

Увлечшись погоней во главе Левого авангарда, генерал не успел укрыться от налетевшей песчаной бури. Стихия ослепила его отряд, сбила с пути и затянула вглубь чужих земель. Когда пыль улеглась, возвращаться было поздно, и воины укрепились на одной из господствующих высот, затаившись в тылу врага.

Высылая лазутчиков и собирая сведения, Вэньхань оставлял по пути тайные метки в надежде на то, что основные силы Чжоу прорвут оборону и они смогут ударить с двух сторон. Но признаться честно, тогда он и на два фэня не верил, что великий генерал Лю Хучэн решится на столь рискованный марш-бросок.

Первым по этим следам их отыскал Бай Шу. Узнав от брата, что армию ведет лично наследный принц, генерал воспрял духом — теперь победа казалась решенным делом. Он еще в прошлую встречу понял: Цзи Ло сделает всё, чтобы раз и навсегда обезопасить Сицзян.

Цзи Ло шел по меткам с неумолимой быстротой. К тому моменту, как гвардия нагнала генерала, кочевники уже обнаружили его укрытие. Действовать пришлось без промедления: зажав остатки сил под командованием царевича Хуянь Лу в клещи, союзники навязали им жестокий бой.

В финальной схватке Хуянь Лу, славившийся невероятным искусством стрельбы, натянул тетиву, целясь прямо в наследника Чжоу. Когда-то в бою против Хан Сиэня он выпустил три

стрелы подряд, теперь же его лук запел пять раз, причем последний выстрел таил в себе смертоносный сдвоенный пуск.

Смерть летела принцу прямо в грудь. И тогда Бай Шу, до этого мгновения прикрывавший спину старшего брата, рванулся наперерез и принял этот страшный удар на себя.

Цзи Ло и представить не мог, что обязан будет жизнью этому юноше. Сам же Бай Шу в тот краткий миг ни о чем не рассуждал. В его голове билась лишь одна простая мысль: уезжая, он пообещал Хан Сиэню сберечь принца.

Данное слово для него всегда было нерушимым законом.

При воспоминании об окровавленном брате у генерала перехватило горло, а глаза обожгло слезами. Он тяжело опустился на колени и в яростном бессилии дважды ударил кулаком в жесткую землю. Если бы не его непомерная гордыня, если бы не желание раздавить Сижун одним сокрушительным ударом, если бы он действовал осмотрительнее — его младшему брату не пришлось бы истекать кровью, балансируя на грани между жизнью и смертью.

Цзи Ло перехватил разбитую, окровавленную ладонь воина и рывком поднял его на ноги.

— Прекрати! — резко бросил он. — Твой брат борется за жизнь, а ты калечишь себя! Я — наследник престола Великой Чжоу, будущий владыка этой империи. Небеса хранят меня, а моя вера сохранит и его. Пока я рядом с ним, смерть не посмеет забрать его душу.

Произнося эти ободряющие слова, Цзи Ло чувствовал, как внутри все сжимается от глухой боли. В прошлой жизни он встретил свой конец, пронзенный сотней стрел, и с тех пор свист летящего оперения вызывал у него безотчетный, первобытный ужас. В ту секунду он не распознал сдвоенного выстрела кочевника. А когда понял — перед глазами пронеслась его собственная былая гибель. Леденящий страх сковал члены, украв у него то самое спасительное мгновение, которого не хватило, чтобы уклониться самому. И эту долю секунды пришлось оплатить кровью Бай Шу.

Мгновение промедления едва не стоило юноше жизни.

Генерал понимал разницу между долгом перед государством и личной привязанностью. Но когда единственный родной человек угасает на твоих глазах, никакие возвышенные речи принца не способны унять грызущее чувство вины.

Цзи Ло отпустил испачканную в чужой крови руку генерала и перевел взгляд на полог лекарского шатра.

— Вэньхань, если не веришь в моё предназначение, поверь в самого брата. В столице остался тот, ради кого он преодолеет даже хладные объятия смерти. Он очнется.

И принц не лгал. Когда битва стихла и Бай Шу, теряя сознание, угасал на руках у гвардейцев, он из последних сил вцепился в рукав наследника и хрипло, прерывисто прошептал:

— Спасите меня... Слышите, вы обязаны меня спасти. Я выживу... Мне нужно назад, в столицу. Если я сгину здесь... Хан Сиэня больше никому будет любить. Он останется совсем один... Ему будет так одиноко.

Этот отчаянный шепот слышал и сам Цзи Ло, и прибежавший генерал. До того дня Вэньхань сомневался в искренности чувств младшего брата к молодому маркизу. Но когда тот впервые взмолился о помощи, умоляя позволить ему вернуться в столицу, старший брат не нашел в себе сил отказать и даже переступил через гордость, обратившись к наследному принцу.

Он никогда не одобрял этой странной, пугающей привязанности к безучастному Хан Сиэню, но и не смел ломать волю брата, пользуясь правом старшего в роду.

"Если твоя любовь и впрямь так сильна, — тоскливо подумал генерал, — живи ради него. Очнись..."

То ли безмолвный призыв близких достиг чертогов беспамятства, то ли сам юноша устал скитаться во тьме, но в тишине опустевшего шатра пальцы раненого, лежащие поверх грубого одеяла, едва заметно дрогнули.

Столица Великой Чжоу

Весть о том, что наследный принц во главе победоносного войска вторгся вглубь кочевий Сижуня, всколыхнула империю. Столицу, собиравшую под сводами цвет чиновничества и знати, захлестнуло ликование.

Любой поход оплачивается кровью. Чтобы поддержать дух войска на чужбине, император повелел выдать жалованье защитникам рубежей Сицзяна досрочно, увеличив сумму наполовину. Щедрость казны должна была унять ропот среди простых ратников.

По возвращении Его Высочества с именным списком отличившихся воинов государь обещал осыпать их новыми милостями — чины и титулы прольются на победителей золотым дождем.

Главной же темой для досужих пересудов в залах заседаний стала мирная грамота правителя Сижуня. Наследный принц в своем докладе предлагал отринуть всякие колебания: разорвать прошение о мире, отказаться от вассальной клятвы кочевников и, дойдя до самой их столицы, стереть границы вражеского государства, превратив его земли в обычную провинцию Великой Чжоу.

Смелое предложение разделило двор надвое. Полководцы, жаждавшие ратной славы и новых наград, горячо поддержали наследника. Гражданские же чины встретили доклад в штыки. Они доказывали, что враг сломлен и молит о пощаде, а значит, пора поставить в этой кампании красивую точку, явив миру великодушие и величие престола Великой Чжоу.

Главный их довод сводился к простой истине: каменистые степи Сижун — дикий, бесплодный край, не способный принести казне никакой пользы. Разгромив их орды, империя и так обеспечила себе спокойствие на рубежах на долгие годы. Если Сижун признает себя вассалом и станет ежегодно платить дань породистыми скакунами и серебром, это принесет куда больше выгоды, нежели присоединение диких земель, на обустройство которых Министерству доходов придется годами выделять миллионы из государственной казны.

К тому же затяжная война требовала огромных обозов и провианта. Казна Великой Чжоу отнюдь не ломилась от золота, и бесконечный поход мог истощить империю. Мудрецы древности не зря предупреждали: загнанного в угол зверя преследовать не стоит.

Мир спасет жизни чжоуских сыновей и позволит изнуренной армии Сицзяна наконец сложить оружие.

Выслушивая бесконечные споры, император медлил с окончательным решением. Разум его метался между воинственным пылом сына и трезвым расчетом министров — доводы обеих сторон казались ему весомыми. Словесные баталии сотрясали тронный зал уже не первый день.

Окинув взглядом ряды склонившихся придворных, повелитель не нашел никого, с кем мог бы обсудить свои сомнения с глазу на глаз. И тут взор государя наткнулся на Хан Сиэнь, который в последние дни вел себя на редкость тихо и никого не задевал своими ядовитыми речами.

Император тихо кашлянул, привлекая внимание:

— Что скажет маркиз Вечного Покоя?

В зале повисла тишина. Однако Хан Сиэнь не спешил с ответом. Государь удивленно приподнял бровь. Молодой человек стоял, уставившись на каменные плиты пола, и его лицо казалось высеченной из мрамора маской полного безразличия.

Решив, что его голос потонул в шепоте придворных, владыка повторил вопрос громче.

Хан Сиэнь медленно поднял голову. Государь мог сколько угодно уверять присутствующих в своих сомнениях, но от обостренного чутья маркиза не укрылась волна робкого облегчения, сокрытая в глубине императорской души. Император уже сделал свой выбор: он склонился к тому, чтобы принять капитуляцию Сижун.

Будь на дворе иные времена, Хан Сиэнь без труда подыграл бы монарху, облакая его тайные желания в изящные и велеречивые фразы, ласкающие слух.

Но сегодня в его груди тлело совсем другое чувство. Шагнув вперед из строя чиновников, он ровным, холодным тоном произнес:

— Ваше Величество, покорный слуга полагает, что кочевников необходимо истребить под корень. Степной пожар оставляет нетронутыми семена — придет весна, и сорняки взойдут вновь. Сижун — дикий бурьян. Стоит дать ему передышку, залечить раны, и в один прекрасный день они снова вцепятся в горло Великой Чжоу.

<http://bllate.org/book/20088/2002111>